

Детям посвящаю.
Своим и моих боевых друзей.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны:
Восстал и стар и млад;
Летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.*
А.С.Пушкин.

Часть 1. Два вечера

...Вот уже и за вечерело. Казалось, что там на западе, где-то за горизонтом, пышущее зноем блекло-голубое небо кто-то потянул на себя, как покрывало, обнажая доселе скрывавшуюся густеющую мглу. И она, хоть медленно, но всё же стала заливать всё пространство.

Блистая бледно-алой полоской заходящего солнца, летний день медленно умирал.

Нужно было где-то провести ночь. Присутствовавшие начали давать советы, где можно переночевать. А начальник штаба, из всего предложенного на выбор, всё же порекомендовал остановиться на ночь в гостинице, дал несколько адресов, объяснил, как пройти. Рекомендацию приняли и направились в ближайшую гостиницу. Но, дойдя до нее, казаки обнаружили развернутый там госпиталь. У другой небольшой гостиницы их остановила стоящая на входе вооруженная охрана – и эта была подо что-то занята. Наконец, всей группой добрались до гостиницы «Аист», расположенной недалеко от центра города, среди зелени набережной Днестра. Распахнув свои зеркальные двери в благодатную прохладу, и укутанную коврами дорожками гулкую тишину, она гостеприимно приняла пришедших. И места были – пожалуйста, хоть на выбор.

Поставив свою «ручную кладь» на пол, парни положили на стойку свои документы. Администратор – очень милая женщина в годах, оформляя заселение, долгим и грустным взглядом посмотрела на гостей. Она прекрасно все поняла. Поняла истинную цель приезда «командированных», прибывших в Тирасполь за семь тысяч вёрст и останавливающихся в гостинице только до утра, но... не задала ни одного лишнего вопроса.

...Вся группа, как по команде, повернула головы на приглушенный ковром гул, издаваемый каблуками идущих в ногу людей. То, что увидели казаки, повергло их в замешательство, близкое к шоку. Спустившись по дорожке парадной лестницы, через холл на выход с сумками и кейсами в руках в колонну по двое прошла, числом не менее взвода, группа каких-то ...штурмовиков. Молодые парни не старше двадцати пяти лет. Все, как один со стрижкой «под бокс». Как эсэсовцы - затянутые в черную портупею через правое плечо, черные рубашки с форменным черным галстуком, в черных безукоризненно отутюженных бриджах и начищенных до блеска высоких хромовых сапогах. На длинных рукавах красовался какой-то - не успели рассмотреть - замысловатый черно-красный шеврон. Среди них выделялись двое, лет сорока, одетых так же, но, видимо, командиров. У одного из них на ухо съехал длинный запорожский чуб – оселедец...

Проводив процессию взглядом до выхода, где у крыльца стоял автобус, казаки пораженно молчали.

- Кто это? – оборвав тишину, приглушенно спросил Лекарев у сидящего в кресле, разморенного скукой, еще довольно крепкого на вид старика в расшитом галунами легком пиджаке – швейцара.

- Это с Украины, «западенцы», УНА-УНСО... – спокойно ответил он и, перехватив недоуменные взгляды, уже иным тоном, с долей раздражения, расшифровал: – Да ОУНовские недобитки это, последыши Степана Бандеры, юные «нацики». Стрельцами себя называют.

У нас многие понять не могут: на кой ляд Смирнов дозволил этим, – мотнул он головой в сторону дверей, – чернорубашечникам сюда приехать? Что они тут делают? Защищают нас? Да ни хрена подобного! – дедок не на шутку разошёлся. – Из этих сопляков воины, что из говна пуля! Говорят, многие даже на передовой ведут себя, как на параде – красуются, не снимая своей эсэсманской формы ...держатся высокомерно, особняком ...пиж-ж-жоны! Тоже мне, вояки, мать их... – швейцар круто выругался. Резко встал с кресла, и, будто офицерский китель, одернул свой расшитый золотистыми галунами пиджак. Лицо его пошло пятнами – старик разволновался. - Молодых «волчат», паскуды, на крови натаскивают! Каждую неделю группы меняют. Это они готовятся так. К чему только? Против кого – соображаете?! Свою политику здесь «обкатывают», а мы для них, как полигон! Эх... – вздохнул старик, – Сталина на них нет! Он бы враз со всеми «самостийниками» разобрался! И с этими, - вновь кивнул он в сторону дверей, - и с теми, кто допустил такое, – он взмахнул вверх пятерней, – и с Мирчей, этой собакой кровожадной, и с Кравчуком, и с Ельциным!.. Ну, хотя бы Андропов был бы... Но – прошла эпоха пышных похорон, и... Горбец подкрался незаметно. Ох, что ж этот «меченный» натворил своей перестройкой... – сокрушенно качая головой, с укоризной выдохнул он. – Видимо, вещи оказалась та шутка, что перестройка будет идти в три этапа: ПЕРЕТряска – ПЕРЕСтрелка – ПЕРЕКличка... Вот и выходит, что не успели мы из первого этапа вылезти, как тут уже и второй!.. Эх, – опять вздохнул старик, но уже с какой-то безысходностью, – не вышло тогда ГКЧП – получилось просто ЧП! Наш-то Смирнов тоже все либеральничал. Снегур к войне готовился, а он в его парламент депутатов засылал – все их угова-а-аривал... Вот и доигрались в демократию!.. Если бы не та сотня казаков, что с одними автоматами против танков пошли, да такого ужаса на «румын» нагнали, что их три батальона с моста как зайцы драпанули, то Бендеры точно в крови бы утонул!

Дедок замолчал, его задумчивый взгляд остановился в какой-то точке на полу. Парни потянулись за своими сумками и кейсами. И тут он, будто спохватившись, быстро поднял голову и спросил:

- А вы кто же будете, хлопцы?

- Наладчики мы, – хмуро буркнул Смолин, и добавил: – Бригада. В командировку приехали.

- И что ж налаживать-то у нас будете? – не унимался любопытный старик.

- Жизнь, – уже на ходу коротко ответил Лекарев.

Разместились в гостиничных номерах. Привели себя с дороги в порядок и подготовились к завтрашнему дню. Выгладили свалявшиеся в сумках «камуфляжки», каждый пришил на рукав шеврон с изображением двуглавого имперского орла, покровительственно держащего на своих крыльях гербы земель и княжеств, входящих в Державу, и с гордым словом «РОССИЯ». Ещё заранее было решено – более никаких знаков различия! Приготовили документы, упаковали вещи: смену белья, свитерок или джемпер на всякий случай, да туалетные мыльно-рыльные принадлежности – ничего лишнего с собой не брать!

Жара спадала. Под окнами гостиницы нес свои воды Днестр. По набережной гуляют пары, нарядные девушки. Мирная картина. Мирный город. Никакого ощущения близкой войны. Собрались в одном номере.

Взяв бинокль, Будунов вышел на балкон. А через некоторое время...

- Братцы! Смотрите!..

Обернувшись, казаки увидели расширенные глаза Бориса. Голос его дрогнул.

- Там... - он показал рукой.

С высоты балкона, в потемневших водах Днестра увидели два распухших трупа. Покачиваясь, они плыли мимо, куда-то вниз...

На Тирасполь всё плотней опускались сумерки. В ультрамариновой выси одна за другой стали зажигаться звёзды. Ещё каких-нибудь четверть часа и, как и положено на юге, навалится непроглядная темень, которую лишь немного разбавят включенные на улицах фонари. ...И вот звёзды уже осыпали весь иссиня-черный небосвод. Как же их много! Как же они близко! Какие они яркие!

В номере пошли разговоры. Чувствовалось волнение. Все думали о предстоящем. На набережную идти уже не хотелось. Да и, говорят, комендантский час уж скоро.

Хотя и не были особо голодными, но все же решили поужинать. И, как были в «камуфляжках», пошли в гостиничное кафе, уютно расположившееся на большой крытой террасе, оплетенной густой зеленью виноградной лозы и утопающей в благоухании роз. Они были здесь не единственными посетителями, но большинство столиков пустовали, и стулья вокруг них в полумраке кафе отчего-то казались сиротливыми. И оглушительной музыки, типичной для таких заведений, не было – из колонок музыкального центра, стоявшего у барной стойки, томя душу, приглушенно нес свою печаль «Одинокий пастух» Джеймса Ласта. Оно и понятно: какое тут веселье? – идет война. И знали, что сегодняшний, уже уходящий день, в Приднестровье был днем траура по погибшим в Бендерах...

Расселись, спросив разрешения сдвинуть столы, в углу зала у стены. Их новый облик в отлаженных, шуршащих новизной и свежестью текстиля «камуфляжках» с непривычными шевронами на рукавах, вызвал удивленный и несколько растерянный взгляд официантки – миловидной женщины лет сорока, принимавшей заказ. А устремленные на них взоры и едва слышное шушуканье сгрудившихся возле стойки бара работниц кафе, даже смутили казаков.

Попытки как-то скрыть в себе это смущение, да томившее душу тревожное ожидание завтрашнего дня и, видимо, волнения и впечатления последних часов, замечалось в каждом движении. Хоть и в полголоса, но оживленные разговоры, явные глупости и напускная серьезность, улыбки, приглушенные смешки и притаённая бравада – все смешалось.

Со стороны посмотреть, так вели они себя как «зеленые» пацаны-новобранцы, сбившиеся в стайку на сборном пункте военкомата... Несмотря на выпитое крепкое молдавское вино, хмель их никак не брал – нервы, господа, нервы...

Уже при выходе из кафе к ним как-то неуверенно подошли несколько женщин – здешних работниц, спросили:

- Извините, ребята... Вы из России?

Узнав, что не только из России, а с берегов, воспетой поколением, сибирской реки Ангары, глаза их засияли, вместив в себя и радость, и гордость, и надежду. Казалось, они так и говорят: «Мы верим. Вы нам поможете». Но в их глазах, как отпечаток беды, стояла и тоска. За этот день пребывания в Тирасполе, сколько таких глаз видели казаки!

- Значит, это про вас несколько раз сегодня радио передавало? Мы слышали. И куда вы завтра?..

Услышав слово «Бендеры», женщины резко изменились в лице. На несколько секунд повисла тишина. В последние дни название этого города для них, как и для многих приднестровцев, стало синонимом слову «ужас». Тут же кинулись и принесли салаты, закуски, дали в номер оплетённую лозой баклажку добротного вина. Бесплатно.

- От всего сердца, - говорили они. – Храни вас Бог. Возвращайтесь!..

Долго молча смотрели им вслед. Казакам даже стало несколько не по себе – провожали, как идущих на верную смерть...

В этом кафе они побывали еще раз, но уже много дней спустя.

Вадим часто вспоминал эти две, неотъемлемые встречи. В одном месте, но такие разные по смыслу и ощущениям.

Стоял такой же теплый вечер конца июля, душный и безветренный...

Мимо барной стойки кафе к свободному столу в центре зала, уставшей поступью прошла группа военных, одетых в выцветшую, донельзя выгоревшую на солнце и, изрядно потертую форму с еле заметным камуфляжным рисунком. Яркими пятнами на форме выделялись лишь изумрудно-алые, цветов флага Приднестровской Молдавской Республики нашивки на груди, да чуть замятые черные шевроны на рукавах – с двуглавым орлом и ярко-красными буквами «РОССИЯ». Молча, не привлекая внимания, сели за стол, осмотрелись.

Народа в кафе было гораздо больше, чем тогда. За соседним столиком – компания весёлых молодых людей. И какие красивые нарядные девушки! А там, в углу, сдвинув столы, большая компания отмечает какой-то юбилей. Недалеко сидят молодые парни в камуфляжной форме –

офицеры Республиканской гвардии Приднестровья. Всюду улыбки, оживленные лица. Не оглушая, из колонок лилась веселая музыка.

- Здравствуйте, молодые люди! Что будете заказывать? – услышали они рядом. Повернув головы, увидели ту же официантку, что была и в прошлый раз. Не глядя на них, она устало перелистнула свой блокнот, приготовилась писать.

- Здравствуйте, - с улыбкой, тихим голосом сказал Вадим. – Мы очень рады вновь Вас видеть.

Официантка подняла глаза на своих клиентов и, беззвучно ахнув, чуть не задохнулась... Руки с блокнотом и ручкой медленно опустились.

- Это вы-ы-ы? – пораженно выдохнула она.

Казаки все встали.

- Мы.

Взглядом, в котором были радость и сострадание, и в то же время растерянность и тревожно, будто кого-то разыскивая или что-то вспоминая, она обвела опаленные солнцем лица казаков, их чуть поседевшие шевелюры и открытые улыбки, заглядывая в бездну взора совсем не улыбающихся усталых глаз.

- Все?.. – тихо на выдохе спросила она, и голос ее дрогнул, в уголках глаз блеснули слезинки.

- Все.

И вдруг, закрыв лицо руками, она разрыдалась – чувства переполнили её. В мгновение казаки окружили ее, стараясь успокоить. А к ним, громко и радостно причитая, уже спешили другие женщины – работницы кафе:

- Это же наши сибиряки! Вернулись!.. – как давно не выдавшие своих родных, не скрывая слез, и не обращая ни на кого внимания, обнимали, расцеловали их. – Живые!.. Хлопцы... мы за вас Богу молились!

Посетители кафе, разом повернувшись, обескуражено замолчали.

Ещё не погасив улыбок весёлого застолья, обернулись и офицеры, также глядя не без интереса и некоторого недоумения. Один из них, с густо подернутыми сединой висками, несколько мгновений пристально, чуть сузив глаза, смотрел на казаков, и вдруг, будто что вспомнив, брови его резко взметнулись на лоб. Сказав что-то товарищу, поставил свой бокал и медленно, не отрывая взгляда, поднялся из-за стола. Подошел. Чуть удивленно и тревожно, словно на вернувшемуся с того света, посмотрел на Лекарева, и немного заикаясь спросил:

- Из-звини, б-браток, это не т-тебя в Бендерах «Д-доктором» зовут?

- Н-е-ет, - с некоторой заминкой ответил Славка, - не меня... Меня вообще-то «Лекарем»...

- Т-точно!!! – радостно вспыхнув, вспомнил гвардеец боевую кличку Лекарева. – Ты?!... Сп-пасибо тебе! Б-брат! – и тут же сграбастал его в свои объятия. Оторвавшись, но держа руку на Славкином плече, повернулся к своему столу и громко скомандовал:

- Т-товарищи оф-фицеры! – Офицеры за столом разом встали по стойке «смирно». – Д-друзья, это же т-тот самый «Лекарь»!!! А это, - он обвёл взглядом стоящих у стола казаков, - к-как я понял, и есть т-та «группа «Филин»... Ура!

- Ура! Ура! Ур-А-А! – прокричали просиявшие офицеры и, быстро и шумно выйдя из-за стола, крепко пожали казакам руки, по-братски обняли их. А Славку так вообще чуть было не затискали – искренне и весьма бурно, каждый по-своему, выражали ему свою благодарность, и он, никак не ожидавший ничего подобного, буквально ошалел от такого внимания.

Нарастая, голоса в зале слились в общий радостный гул, к их столу, приветствуя, с бокалами и фужерами потянулись люди. А те милые женщины – работницы кафе – так просто сияли сквозь прорвавшиеся слезы радости:

- Спасибо вам, хлопцы! От нас, от всех женщин, от всех матерей Приднестровья!

Вся усть-илимская группа, только сегодня вышедшая из Бендер, и завтра уезжающая домой, была, сказать что удивлена – ничего не сказать, она была просто шокирована! Чем же парни заслужили такое внимание? Было заметно их смущение и некоторая растерянность. Во взглядах, что мельком бросали друг на друга, стоял один вопрос: что же такого особенного мы сделали? Ведь воевали, как все...

Ну, ладно Славка – сколько жизней он спас, вовремя оказав раненым квалифицированную помощь! Ведь иногда счет шёл на секунды! Он и сам не знает, сколько людей ему обязаны самым дорогим. В конечном счете, за каждой спасенной им жизнью стояло всё (!!!) Приднестровье.

...Во все времена были люди, совершавшие то, что они считали своим нравственным долгом. Вышим – данным Свыше. Даже не задумываясь о том. Они работали, растили детей, были хорошими друзьями и соседями, жили скромно и без суеты. Но приходило время и... Выйдя вдруг из безвестности, словно на миг вспыхнув звездой, они, даже не помышляя считать своё деяние каким-то подвигом, опять, как в тень, уходили в будни. Много было таких на Руси. Таков и Славка – Вячеслав Павлович Лекарев – хирург из Усть-Илимска, есаул Иркутского казачьего войска, кровей и корней своих – родовой забайкальский казак.

...А потом был большой и долгий пир – разгульный, чуть ли не до утра. И забыт был комендантский час – «Та няхай на ёго!» – на него попросту «забили»...

За одним длинным столом вместились не только иркутские казаки и офицеры гвардии, да два раненных под Дубоссарами донских казака и врач, сопровождающий их в московскую глазную клинику Святослава Федорова. Нашлось место для многих тираспольчан, благодарных всем защитникам Приднестровья. Всем, чьи имена знает лишь Господь. За этим большим столом все они были братьями и земляками!

Много что было в тот вечер и ночь. Выпито было много. Доброго молдавского вина. И песни были. Разные: «афганские» и, рожденные здесь, в затишье после боя, песни украинские и русские народные, лихие казачьи Тихого Дона и Забайкалья, и искромётные молдавские – мы все едины! Была и скорбь, стоя и молча: «*Третий тост – даже ветер затих...*»

...И разговоры, разговоры – «о друзьях-товарищах, о боях-пожарищах...» – о тех днях и ночах, кем-то позднее названных «кровавым летом в Бендерах». Говорили, почему же это всё произошло, и кто виноват. Вспоминали, когда и как всё началось...